

Министерство образования и науки Украины
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Кафедра мировой литературы

Лирический герой И. Богачинской

выпускная работа

Ворониной Л.А.

Руководитель: доцент Бурчак Л.А.

Одесса 2005

«Лирический герой - это «я» сотворённое»
Михаил Пришвин

Содержание

Введение.....	2-7
Глава первая.	
На грани жизни слова.....	8-17
Глава вторая.	
Человек и мир в стихах Богачинской.....	18-31
Заключение.....	32-33
Литература.....	34-37

Введение

Русская литература за рубежом, сложившаяся в основном благодаря творчеству эмигрантов XX столетия, отображает хронологически и общественно - политически различные периоды жизни России. Как объект литературоведческого исследования она находит свое отражение на разных уровнях, если учесть направленность идейно- художественного анализа и степень структурной разработки поэтики.

Своеобразно развитие русской художественной мысли в исторических условиях эпохи и революционных перемен. С возникновением СССР творчество многих писателей, уже известных тогда на родине, продолжается вдали

от нее и не сразу становится предметом научного изучения. Но не только писатели «первой волны» эмиграции (1917-30-е гг.), но «второй волны» (40-е - 60-е гг.) и «третьей волны» (70-е - 90-е гг.) пока еще не находят последовательного освещения в науке, правда, в последние годы публикации об эмигрантах стали чаще появляться как в периодической печати, так и в форматах учебных пособий, сборников статей, материалов конференций. Многотомная «Литература русского зарубежья. Антология. В 6-ти томах» (Москва, 1991г.) является первым изданием, эффективно способствующим ознакомлению с этой сложнейшей частью русской литературы нового времени. Сравнительно менее исследованным остается творчество мастеров естественного слова «третьей волны» эмиграции. В 90-е годы особенно заметно проявилась тенденция к сближению, воссоединению отечественной литературы метрополии и диаспоры. В поэтическом мире русской литературы появляются новые имена, яркие индивидуальности: Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Ирина Ратушинская, Сергей Довлатов, Вера Зубарева, Инна Богачинская, Юрий Кублановский, стихи которых хотя и передают идейно-тематическую специфику литературы зарубежья, но характерны и для современной русской поэзии в целом. Они отражают ее существенные тенденции и проблематику, значительны своей содержательностью, органичной современному литературному процессу России и мировой литературы.

Объектом исследования данной выпускной работы является творчество поэта «третьей волны» - Инны Богачинской, которая эмигрировала в Америку в 1979 году и живет с тех пор по настоящее время в Нью-Йорке, где работает переводчиком, периодически ведущей тематических творческих вечеров на телевидении.

Инна Богачинская - лауреат Международного фестиваля русского искусства в г. Чикаго в 1991 году и в этом же году получает звание Поэта года в Нью-Йорке. Энциклопедия Британика назвала ее одним из «наиболее состоявшихся» поэтов русского зарубежья. Она автор четырех книг: «СТИХИЯ» (1983, Нью-Йорк), «Подтексты» (1990, Нью-Йорк), «В четвертом измерении» (1994, Филадельфия), «Перевод с космического» (1999, Нью-Йорк) и многочисленных стихов и эссе, систематически публикуемых на страницах газет и журналов. В мае 2005 она присутствовала фестивале Поэзии в Греции, где за новые стихи была отмечена премией.

Богачинскую знают в литературных кругах Москвы, уроженкой которой она является, хотя покинула этот город еще в раннем детстве по воле родителей, переехавших в Одессу. Она не теряет со временем утвердившихся творческих контактов с А.Вознесенским, А.Дементьевым, Б.Ахмадулиной и многими журналистами родного ей города.

Первые стихи Богачинская пишет в 16 лет, в последствии обращается в своей деятельности к журналистике. Инну Богачинскую хорошо помнят в Одессе по многочисленным очеркам, эссе, живым информциям на злободневные темы, их число достигает до 300. Первая поэтическая публикация осуществляется в 1977 году. Это был успех и событие в жизни будущего поэта, с заметным для читающей публики самобытным голосом.

После подборки стихов в журнале «Огонек» поступили к автору предложения о публикации и от других редакций. Но обстоятельства сложились

так, что она принимает решение об отъезде. Новый этап ее творчества отражает процесс формирования наиболее зрелых черт в иных условиях социально-общественных и межличностных отношений.

В отличие от многих талантливых эмигрантов, Инна Богачинская смогла состояться профессионально и продолжать свои поэтические искания с возрастанием глубины художнического видения и проникновения в сложности нашей современности.

Остро ощущая разрыв с оставленной родиной, Инна Богачинская, уже после изданных ею сборников, написала много новых стихов, которые в разрозненном виде не теряют по своей идейно-эстетической сущности, интонациям и стилю органической связи с прежними, а лишь более четко и полно реализуют ее поэтическую концепцию человека и мира.

Богачинская особенно дорожит контактами с Одессой, неоднократно посетив которую она выступала на творческих встречах по телевидению и непосредственно в различных культурных центрах города, перед студентами вузов, в частности, на филологическом факультете Одесского национального университета, где она училась на факультете романо-германской филологии. Многочисленные интервью представляют собой интересный дополнительный материал в конкретизации истории отдельных замыслов автора, тех или иных мотиваций и нюансов, они привлекают посвящениями, прямой обращенностью к одесситам, штрихами менталитета южного края. Автор выпускного сочинения в отдельных случаях ссылается на ответы Богачинской, следовавшие на вопросы в обстановке личных встреч осенью 2004 года, учитывает впечатления от ее творческих выступлений.

Из литературоведческих работ научного содержания книга Виктора Финкеля «Поэты Рубежа» (1999, Филадельфия) о творчестве четырех поэтов - И. Бродского, И. Богачинской, В.Зубаревой и М.Юппа – является серьезным итоговым наблюдением над профессиональным творчеством известных авторов, которые в эмиграции продуктивно реализуют свой талант, демонстрируют зрелость опыта, подтверждающего как потенциал индивидуальностей, так и ценностную причастность к современной русской литературе, независимо от ее территориальной разделенности. «Ее поэзия пространственно богата, разнообразна, интеллектуальна, высоко эмоциональна», - пишет автор книги о Богачинской, - «Она насыщена вневременными категориями космоса, мудрости и души». ¹ Характерно, что для анализа русской эмигрантской литературы "третьей волны" Финкель выбрал только четырех авторов, которые отличаются многим друг от друга, но сближаются на степени неповторимости дарования и художественного мастерства.

В словаре "Поэты русского зарубежья", вышедшего (1999, Санкт-Петербург), Инна Богачинская получает характеристику интересную проникновением автора статьи в творческую лабораторию поэта : "Ее поэзия заставляет вспомнить, с одной стороны, о цветаевской неводержанности чувств, с другой - о северянинском упоении собою и жизнью вообще. Ее лирическая героиня то страдает от одиночества в холодном механистическом мире, то поражает окружающих стремительностью в любви или рискованностью наряда...Смелое

¹ Финкель В. «Вулкан строк» // Поэты рубежа, Филадельфия, 1999г.

обращение со словом берет свое начало от раннего Маяковского и поэтической манеры Вознесенского".²

Привлекая фактографический материал современных событий при написании своих стихов, Богачинская выделяет общегуманистические проблемы, поднимает идейно – нравственные вопросы современности, которые во многом сопряжены с категорией трагического. Поэтесса ищет выход из катастрофического положения и призывает к общечеловеческой ответственности. В ее стихах «... тендітна і беззахистна людина намагається підняти на своїх плечах глобальні проблеми всього людства.»³

В центре поэтического мира И. Богачинской - человек. Лирическая героиня воплощает множество отсветов огромной и противоречивой действительности, что отражается на стиле произведений. Гиперболы, контрасты, развернутые метафоры – основные авторские средства выражения в воссоздании внутреннего содержания современной личности. Поэтическая сила Богачинской удерживает этот образ на высоте трагического. Героиня поэзии Богачинской – это и она сама, и совсем не похожие на нее персонажи, но близкие то своими чаяниями, то обстоятельствами, то мироощущением.

Проблема автора лирического героя – одна из тех, актуальность которых всегда подтверждается в потоке новой живой литературы. Выдающиеся теоретики В.В. Виноградов, Г.А.Гуковский, Л.Я. Гинзбург, М.М. Бахтин обосновывают кардинальные положения дальнейшей разработки этой проблемы, особенно, - в историко-литературном плане. Рассмотрение структуры лирического героя (по строго теоретическому определению) на тексте стихов Богачинской приводит к конкретизации определенных свойств этой категории в контексте замыслов, наблюдений над автономностью лирических персонажей, спецификой образных систем речи, описаний и выделения автором характерных штрихов. У Богачинской лирический герой представляет собой систему динамическую, он раскрывается в конкретном времени, но сохраняет свою определенность в связях с обществом, миром, вселенной, на лучших традициях бытия.

Типологический подход к проблеме лирического субъекта, рассмотрение поэтики и местами миропозитики творчества Богачинской в историко-литературном контексте позволяет выяснить специфику ее пера.

Цель данной выпускной работы - попытка рассмотрения творческой лаборатории Инны Богачинской в связи с определением ее типа поэзии, характером взаимодействия авторской личности и лирического субъекта, конкретизации форм, средств, особенностей ее стиля.

Глава первая

На грани жизни и слова

«СТИХиЯ» (1983) – название первого сборника Богачинской – семантически емко включает читателя в стихию переживаемого автором. Поэтика названия

² Словарь поэтов русского Зарубежья, С-Петербург, 1999г.

³ Ясинська В. Найвище у світі багатство // Одеські вісті, 4 грудня 2004 р.

подчеркивает слитность автора со словом, подсказывает видение его природы даже в интонационной четкости и строгости.

Пути художественного воплощения авторского замысла не зависимо от родов и жанров литературы всегда сложны, непрямолинейны и тем больший вызывают интерес. По словам М.М.Бахтина, воспринимающему художественное произведение важно «добраться, углубиться до творческого ядра личности» его создателя и что «автор-творец» помогает нам «разобраться в авторе-человеке»⁴.

Деятельность писателя, который так или иначе «опредмечивает» в произведении свое сознание, естественно, стимулируется и направляется его биографическим опытом и жизненным поведением. Сходные мысли неоднократно выражали прозаики и поэты. «Жизнь и поэзия - одно», - утверждал В.А. Жуковский. Эту формулу, однако, нельзя воспринимать буквально. Автор в произведении никогда не тождественен реальному человеку-писателю. Например, А.А. Фет в своих стихах воплощал иные грани своей индивидуальности, нежели те, что давали о себе знать в его повседневной деятельности помещика. Многие известные творческие биографии мастеров слова подтверждают это их же суждениями по поводу самовыражения, которое при всей полноте передачи мыслей и чувств пишущего человека, обретая новую жизнь в виде произведения литературы, вступает уже в другие сферы соотношений (читатель, критика, временные дистанции, культурологические изменения и т.п.), присутствуя в своем творческом опыте делимо и от образа автора, и тем более – от своего лирического героя.

Однако, образ автора в произведении и облик автора реального тесно связаны. Б.Л.Пастернак, осознавая особую природу художественного творчества, полагал, что существо гения «покоится в опыте реальной биографии, его корни лежат в грубой непосредственности нравственного чутья». Именно таков, по-видимому, наиболее достойный, оптимальный вариант отношения реального автора к его художественной деятельности.

Личность писателя, подробности его жизни нередко оказываются для его современников и потомков предметом особого интереса и пристального внимания, становясь и самостоятельной значимой культурной ценностью.

Будучи прежде всего неповторимой творческой индивидуальностью, автор, подобно любому человеку, является вместе с тем (независимо о того, в какой мере он это осознает) также представителем определенной части социума, что неизменно накладывает свою печать на его взгляды, психологию, поведение и, конечно же, на его художественную деятельность. Поэтому необходимо учитывать и принадлежность писателя его поколению, и его слою или группе, тому или иному течению общественной мысли, и исследуемые им традиции.

Автор как литературоведческая категория – это создатель литературного произведения, от замысла до его воплощения, налагающий свой персональный отпечаток на его идейно – эстетическое и художественное созерцание. Присутствие автора дает о себе знать даже в безымянных фольклорных сочинениях, ибо и в них ощутима единая воля, вычленяющая и оформляющая данную художественную

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.,1979, С.371.

действительность, но образ автора в них может быть неизвестен. С развитием индивидуально-творческого подхода к авторству в художественный строй произведений все более втягиваются содержательные (характерологические, мировоззренческие) аспекты личности автора, особенности его мнения, позиций. Литературно-художественные течения, не смотря на общность определенного ряда мастеров слова, порождают и демонстрируют неповторимость образов-символов авторского самосознания.

Автор – творец внеположен своему творению в том смысле, что ни один из компонентов произведений не может быть непосредственно, в обход системы художественных взаимосвязей возведен к личности художника и тем более к личности стоящего за ним человека. Правда, в сочинениях автобиографического и лирического плана автор обнаруживает себя не только как «виновник», но и как «участник» собственного произведения, т.е. в качестве художественно воплощенного человеческого образа. Но и здесь всякий раз с большой остротой встает вопрос о совпадении и расхождении этого образа с реальной личностью сочинителя, побуждающий к признанию необходимой условности «присутствия» автора.

Представление об авторстве исторически ранее всего возникает при восприятии лирики; в письменной литературе именно лирика впервые стала заниматься не воспроизведением известного от других (будь то миф, эпическое сказание), а созданием еще не бывшего, являющегося на свет вместе с личным авторским опытом.

В драматических жанрах автор присутствует только как организатор сценического действия, находясь «за кулисами». Применительно к эпическим жанрам можно говорить об образе автора-повествователя как о косвенной форме присутствия автора-сочинителя «внутри» собственного творения. В художественной прозе под образом или «голосом» автора подразумевается личный источник тех слоев художественной речи, какие нельзя приписать ни героям, ни вымышленному рассказчику. Так В.В.Виноградов трактует авторский образ как речевой образ.

Авторское слово, даже не будучи сгруппировано вокруг формального местоименного ядра («я», «мы»), откликается на слово героя, переосмысливает его, вовлекается в его орбиту. Одновременно происходит композиционное расширение авторского кругозора; сознание автора-повествователя не только с какой угодно пространственно-временной позиции панорамирует внешний мир, но и получает способность совмещаться с сознанием каждого из героев. Характером авторской осведомленности тоже постулируется тот или иной образ автора: это может быть всевластный «кукольник», дергающий за нитки марионеток (Н.В.Гоголь по описанию Ф.М. Достоевского); невозмутимо любопытствующий естествоиспытатель (И.А. Гончаров); неотступный соглядатай и судья (Л.Н. Толстой); спутник наблюдатель, чье личное присутствие неопределимо, но дает о себе знать моментами эмоциональной заинтересованности (А.П. Чехов).

В настоящее время, как и в прошедшем XX веке, не прекращаются споры и крайности высказываний филологов по проблеме «автор-герой», проявляются в этом подчас и крайние позиции известных аналитиков текста, когда художественная деятельность понимается вообще изолированно от духовно-

биографического опыта создателя произведения. Так, оригинально и категорично предстают выводы о разности между автором как реальным лицом и тем, каким он явлен в своих созданиях у Марселя Пруста. По его мысли, только в книгах писателя сказывается его подлинное и глубинное «я», тогда как в повседневной жизни, где проявляются наши привычки и пороки, наличествует лишь его «внешнее я».

Понятие образа автора, как и связанные с ним понятия повествователя, рассказчика, лирического героя, лирического субъекта, широко используется в современной научной литературе.

Авторская субъективность организует произведение и порождает его художественную целостность, она составляет неотъемлемую, универсальную, важнейшую грань искусства наряду с его собственно эстетическими и познавательными началами. «Дух авторства» не просто присутствует, но доминирует в любых формах художественной деятельности: и при наличии у произведения индивидуального создателя, и в ситуациях группового, коллективного творчества, и в тех случаях, когда автор назван, и когда его имя утаено.

Если когда-то автор более представлял от лица традиции (жанровой и стилевой), то в современной литературе он настойчиво и смело демонстрирует свою творческую свободу. Авторская субъективность при этом активизируется и обретает новое качество. Она становится индивидуально-инициативной, личностной и, как никогда ранее, богатой и многоплановой. Художественное творчество отныне осознается, прежде всего, как воплощение «духа авторства».

В концепциях искусства XX в., ставящих в центр автора творца, актуализировалась также категория «выражение». Итальянский философ Б. Кроче понимал искусство как «эстетическое выражение»: впечатления и эмоции автора, подвергаясь эстетизации, творчески преобразуются в процессе и результате их выражения. Созвучно этому и положение Гегеля, который считал критерием художественности авторскую «чувственную законченность» текста.

Автор неизменно выражает свое отношение к позиции, установкам, ценностной ориентации своего персонажа, при этом он предстает как воплощение писательской концепции, идеи, как нечто целое, однако, в рамках собственно художественной целостности. Он зависит от этой целостности, и, можно сказать, по воле автора ей служит. Читатель, проникая в духовный мир автора, именно в образе героя усматривает (прежде всего непосредственным чувством) творческую волю писателя. Соотнесенность ценностных ориентаций автора и героя составляет своего рода первооснову литературных произведений, их неявный стержень. «Воспринимая героев как людей, - писал Г.А. Гуковский, - мы постигаем их одновременно и как некую «идейную сущность»: каждому из читателей подобает ощутить и осознать «не только мое отношение к данному действующему лицу, но и отношение к нему же автора, и, что, пожалуй, важнее всего, мое отношение к отношению автора»⁵.

⁵ Г. А. Гуковский Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. М., Л., 1966. С. 36.

Отношение автора к герою может быть либо отчужденным, либо родственным, но не бывает нейтральным. В стихотворных, где произведениях, так или иначе присутствует дистанция между героем и автором, хотя здесь более ощутимы автобиографизмы души, писатель с некоторой дистанции и отстранения осмысливает собственный жизненный опыт. Лирическое переживание не тождественно тому, что было испытано поэтом как биографической личностью. Лирика не просто воспроизводит чувства автора, она их трансформирует, обогащает, создает заново, возвышает и облагораживает. При этом автор в процессе творчества не редко создает силой воображения те психологические ситуации, которых в реальной действительности могло не быть вовсе.

По словам М.М. Бахтина, «во всяком литературном произведении» наличествует «последняя смысловая инстанция творящего», т. е. творческая воля автора объемлет сотворенный ею мир персонажей. Ученый признавал, «герой - не выражающий, а выражаемое», он пассивен во взаимодействии с автором». И еще : «важнейшая грань произведения» - это «единая реакция» автора «на целое героя»⁶.

Существуют разные формы присутствия человека, который всегда находится в центре внимания читателей в литературных произведениях, одной из которых является лирический герой, является и субъектом изображаемого действия и обладает значимостью самостоятельной, выступая как носитель стабильных и устойчивых свойств, претерпевающих изменения, уже по законам разделения замысла или творчества поэта в целом. Лирический герой - это личность, мысли и чувства, которой выражаются в лирике. Поскольку лирические произведения пишут в основном от первого лица, то часто отождествляют лирического героя и автора, хотя их следует различать.

Лирическое стихотворение нельзя рассматривать только как часть реальной биографии поэта. Лирика – это рассказ «про свое время и про себя», создавая который автор отбирает наиболее существенное и общезначимое в жизни и типизирует его с помощью художественного вымысла. Автобиографичность лирических произведений относительна, и, как писал О. Потембня, её не следует понимать односторонне. На этот аспект художественного обобщения особое внимание обращает Белинский, который писал, что «великий поэт, говоря про себя самого, про свое я, говорит об общем – о человечестве, так как в его сущности заключено все, чем живет человечество. И потому в его беспокойстве каждый узнает свое беспокойство. В его душе каждый узнает свою и видит в нем не только поэта, но и человека, брата».

Лирический герой, в соседстве с образом поэта в лирике – основной способ раскрытия авторской концепции. Он - художественный «двойник» автора – поэта, вырастающий из текста лирических композиций как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластического облика.

Понятие лирического героя обосновывается и формулируется в 1921 году Ю.И. Тыняновым применительно к творчеству А.А.Блока, приобретает

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества., М., 1979, С.75,8.

теоретическую значимость и укореняется в литературоведении наряду с синонимичными ему словосочетаниями лирическое «я», «лирический субъект». Позднее термин широко вошел в науку о литературе и критике, но его содержание и границы остаются спорными. Обычно подчеркивается, что отношение между биографической личностью поэта и его лирическим героем подобно отношению между житейским прототипом и художественным образом. Это подобие можно принять, - поэзия в прошлом и настоящем убеждает как в различной степени сближения автора и его лирического субъекта, так и в формах, особенностях, индивидуальных способов самовыражения.

«Лирический герой – это «я» сотворенное» (М.М. Пришвин). Ведь такому авторскому образу сопутствует особая искренность и «документальность» лирического излияния, самонаблюдение в контексте жизненных реалий, потому не ошибается ни автор в «самотипизации» (В. Солоухин), ни читательское чувство, уверенное в действительном человеческом бытии лирического героя. Г.Гуковский, Л.Гинзбург, Д. Максимов, Ю. Тынянов авторский самоанализ включают в конкретное историческое содержание, видя природу лирического героя как категорию развивающуюся.

Лирический герой не просто связан тесными узами с автором, с его мироотношением, духовно-биографическим опытом, душевным настроем, манерой речевого поведения, но оказывается (едва ли не в большинстве случаев) от него неотличимым, благодаря чему и лирика в основном ее массиве автопсихологична. Именно поэтому следует говорить о духовном единстве, внутренней близости самой поэтессы и лирической героини ее произведений. Богачинская приняла поэзию не как нежнейшую область изящной словесности, но - как служение, исповедь, проповедь и через свою лирическую героиню она исповедуетя всему человечеству и служит ему.

Но лирически выражаемые настроения могут принадлежать как самому поэту, так и иным, не похожим на него лицам. Умение «чужое вмиг почувствовать своим» - такова, по словам А. Фета, одна из граней поэтического дарования. Лирику, в которой проявляются переживания лица, заметно отличающегося от автора, называют ролевой (в отличие от автопсихологической).

Лирике в ее доминирующей ветви присуща чарующая непосредственность самораскрытия автора, «распахнутость» его души, внутреннего мира. Так, вникая в стихотворения А. Пушкина, С. Есенина, А.Ахматовой, мы получаем весьма яркое и многоплановое представление об их духовно-биографическом опыте и личной судьбе. Полно воспринять лирическое произведение - это значит проникнуться умонастроениями поэта, ощутить и еще раз пережить их как нечто свое собственное. С помощью сгущенных поэтических формул лирического текста между автором и читателем, по точным словам Л. Гинзбург, «устанавливается молниеносный и безошибочный контакт»⁷

⁷ Гинзбург Л.Я. О лирике...Л.,1974, С. 12.

Глава вторая
Человек и мир в стихах
И. Богачинской

Поэзия Инны Богачинской, лирический субъект которой по законам искусства никогда не отождествляется с автором, отличается иллюзией этого отождествления по степени живого чувства времени, приобщения к конкретным событиям, искренности. В ее произведениях осязаемость авторского присутствия усиливает пафос, отвечающий содержательности замысла. Она – поэт, развивающийся в динамике времени. Продолжая дорогие для нее традиции Маяковского и открытую направленность литературы общественной «оттепели», она громко говорит о новых конфликтах и противоречиях.

Примечательно, ее бунтарское несогласие с антигуманистическими тенденциями тоталитарного давления или просто рутинной обывательщины передается в ритмах стихов, схожих не только с «лестничной строкой» русского классика XX века, но и с обновляемой поэтикой Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Эдуарда Межелайтиса, Джансуга Чарквиани и других поэтов этого бурного периода творческих исканий.

Типологическую общность на концептуально новом мировидении, на гуманистически углубленном понимании назначения человека, роли личности в историческом процессе совершенствования цивилизации усиливают непосредственные контакты с такими уже вышеназванными поэтами как Бэла Ахмадулина и Андрей Дементьев. именем же Андрея Вознесенского вообще связано начало и имени Богачинской. Она сама высказывает мысль, что он оказал на нее «поэтическое становление такое же сногшибательное влияние, как когда-то на него самого оказал Пастернак»⁸. На что Вознесенский ей ответил: «Насчет моего влияния я не знаю, было оно или нет, но я скажу, что Ваша последняя книга, Инна, «Перевод с космического» - это отнюдь не перевод с Вознесенского. Это - самостоятельная, живая книга»⁹.

Влияние любого мастера слова на другого проявляется не в копировании и даже не в прямом следовании его принципам, которые у талантливого писателя трансформируются по-своему, а прежде всего в идейно-эстетических установках, в чувстве времени. Середина XX века, - и шестидесятники это открыли, - продиктовала более грандиозную масштабность восприятия мира и необходимость овладевать новыми формами слова. Оценка Вознесенским книги Богачинской была отнюдь не комплиментом, - она одновременно фиксирует новый этап ее творчества, на котором бывшее наставничество известного поэта-новатора предстает в качестве возросшего и самобытного идиолекта поэтессы.

⁸ И. Богачинская. «Так что же есть истина?!» (разговор с Андреем Вознесенским) / Люди слова., 12 – 14 ноября, 1999.

⁹ И. Богачинская. «Так что же есть истина?!» (разговор с Андреем Вознесенским) / Люди слова., 12 – 14 ноября, 1999.

Хронотоп Богачинской, как у всех поэтов-эмигрантов не всегда располагает исследователей к линейно-последовательному рассмотрению творческого пути, а потому и – эволюции лирического героя в конкретном случае, что потребует большего объема анализа. К тому же, лирический герой у автора от «СТИХИЯ» до «Перевода с космического» сохраняет свои основные черты в нравственно-этическом максимализме и гражданском пафосе. А ностальгические ретроспективные штрихи в поэзии Богачинской, несмотря на нескрываемый драматизм судьбы и неизбывную любовь к оставленным родным пространствам (Москва – Одесса), звучат с удивительно покоряющей корректностью. Доминанта же – всегда высочайшая требовательность в первую очередь к себе:

Расскажи, наконец, почему и о чем тебе плачется?

Ты сама – то не знаешь, наверное, кто виноват.

Автор стремится вдуматься в происходящее.

Разверни свою жизнь. Разверни.

Она попросту скомкана.

Сбереги. Не сжигай ее так бесполезно дотла.

Но в то же время лирический субъект нелицеприятно и прямо высказывается от лица своего поколения, не желая не считаться с факторами многих бедствий:

Мы – поколение выставок,

Раздавленных бульдозером.

Мы - поколение высланных,

Разъятых, травимых, задолбленных.

И снова – обобщение, которое доносит императив поэта: личную ответственность за жизнь.

Мы крадем у себя, а ругаем грабителей.

Нашу сущность и суетность комплекс сковал.

В поэзии Богачинской постоянно перемежаются мотивы драматизма и трагизма, доходящие до предельных реалий в художественно-образных системах (детали, обобщения, ссылки на факты, метафоры), но в контексте всех ее циклов, сборников и, пока еще не изданных отдельной книгой, стихов, прозвучавших со страниц газет, - неизменно присутствует надежда, призыв к преодолению. Ее лирический герой твердо верит в свои силы, в свое слово, в свою инициативу. Он проявляет свою сущность в активном поиске и решительной борьбе, обладает волей «изживать фабулизм жизни»¹⁰, то есть склонен бороться, достигать, побеждать. Он чувствует свою исключительность и энергию, способность реализовать себя ради служения народу, обществу, человечеству; он воплощает в себе устремленность к новому, часто является динамическим, будоражащим началом человеческого мира. Этому образу присущи: безграничная любовь к миру, к жизни, стремление к одухотворенности и состраданию, эмоциональный протест.

Стихотворение «Сначала действительно очень остро...» по нескольким факторам (по семантике текста, субъектам действия, особенностям фонетики) условно делится на две части. В первом четверостишии субъектом действия является лирическое «я», некий авторский образ личности. Начальное

¹⁰ Бахтин М.М. «Эстетика словесного творчества», М., 1979, с. 138.

повторение (анафора) в последних двух строчках «я от себя» и «я в себе» - указывает на внутренний мир личности. Весь остальной блок слов и словосочетаний в первой части стихотворения характеризуют, описывают это лирическое «я», его мысли и чувства, отстранение от себя:

Я от себя
 ухожу к звездам.
Я в себе
 растворяю небо.

Во второй части произведения субъектом являются «звезды». Эта художественная деталь, которая часто повторяется во многих стихотворениях. Под этим понятием скрывается нечто возвышенное, высокодуховное, которое дает возможность подняться над собой, своей приземленностью, которое помогает понять и раскрыть никчемность и пустоту многих человеческих переживаний, суетность чувств. Лирическая героиня стремится подняться до высоты звезд и тем самым ощутить непосредственно экзистенцию бытия.

А звезды мне
 раскрывают никчемность
Всех моих бурь
 и трагедий «крупных».

Эмоциональная атмосфера стихотворения от первой строки к последней изменяется качественно. От напряженно-возбужденного состояния - к духовному спокойствию. Прочувствовать это помогает фоника первой и второй части стихотворения. Первая часть изобилует звуками «р», «ж», «к», «о», что насыщает стихотворение резкими, решительными, отрывистыми ассоциациями.

Сначала,
 действительно,
 очень остро.
В горле
 зажавши
 комок
 свирепо.

Во второй же части преобладают мягкие тона, которые достигаются звуками «м», «н», «е», сочетаниями «яя», «ие».

И звезды меня
 возвращают на Землю,
Оставляя стремление
 к недоступному.

«Звезды» помогают отбросить все мелочное, незначительное и недостойное переживаний, устремиться к некой высшей цели.

Необратимые перемены на рубеже нового тысячелетия Богачинская остро переживает в связи с утратами духовных ценностей, примитивности интересов и обмельчании чувств. И ее лирическая героиня, и образ автора, созданный ею, с болью отзывается на тему отчуждения людей, разделенности человеческих душ: «...Отчужденье. Разрывы, И рознь меж детьми и отцами»; следование чужим правилам и запретам сковывает людей, под давлением условностей

превращает их в рабов эпохи; трагическое неблагополучие нашего времени делает одиноким многих: «... на этой космической станции каждый из нас - ошалело один».

В стихотворении «Продаешь свое тело, пока еще есть покупатели...» лирическая героиня обращается к тому, кто тратит свою жизнь напрасно, не понимая ее ценности, губит жизнь, кто гонится «за дешевым теплом», теряя более ценное. Лирическая героиня страдает от того, что такие люди не видят, не замечают своего бессмысленного мученичества, которому сопутствует ломка не только их судеб, но и ломка их души, - это люди смятенные и растерянные, не сумевшие устоять перед лицом испытаний, сохранить и проявить твердость духа .

Анафора первых трех строк произведения акцентирует внимание на момент продажи. В риторическом вопросе противопоставляется: «Продаешь или тратишь?». А в следующей строке утверждается именно растрата себя на пустяки. И, как результат продажи, во-первых, - нет ничего, что могло бы согреть физически или духовно.

А в озябшей квартире - ни дров,
и ни детского платица.

Во-вторых, - абсолютное одиночество, тупо бьющее на сознание, подавляющее его и уничтожающее чувство жизни и надежды.

А в пустынной квартире стучит тишина, как набат...

Одиночество, которое поглощает человека и приводит к опустошению, Богачинская неоднократно, в различных вариантах, в том числе и эссе, тоже осмысляет как проявление пассивности, хотя оно обусловлено объективными причинами. «Ты - одна. И уже не надеешься ты на спасение». Утрата своей действительности и воли влечет за собой обезличивание судьбы: «Потеряла себя за продажами, ценами, куплями...».

Поэтому все произведение оказывается глубоко проникнутым эмоцией сострадания и призывом к покаянию, которое просветляет, дает возможность взглянуть «внутри» себя, почувствовать и обрести себя. Трагизм стихотворения связан с представлением о невозможной утрате человеческих ценностей и одновременно с верой в человека, который, обладая мужеством, может остаться верным себе даже перед лицом неминуемого поражения.

Чувство грусти передается не просто в обычном понимании этого слова в стихотворении «Эта грусть - состояние особое...», здесь ему дается иное, необычное толкование. Это некое непреходящее переживание, энергия души, та трогательная восторженность и умиление, которые необходимы для жизни. «Эта грусть чуть горька и» одновременно «чуть сладка на вкус». А также:

Вся из ниточек соткана
Эта необъяснимая грусть.

Чувство вбирает в себя некое слияние противоположного, некий контрапункт, потому лирической героине органична музыкальная ассоциация: «Просто - скорость, и просто мелодия, И весны набежавший угар...».

Это главное, «ну а все остальное приложится...». Эта грусть неизбежно проявляется при погружении в реальность, в углубляющуюся для лирической

героини действительность: «от желания выстрадать все чем жизнь голодна и щедр...».

Ощутить себя человеком – это главное, значит быть живой частицей Вселенной, способной: «услышать дыхание космоса», чтобы:

Все несбыточное исполнилось

В чьей-то близкой и дальней судьбе.

Мир как динамическая сущность в различных вариантах предстает в произведениях Богачинской. Жизнь обозначается словами: «галактики движенье», «миг, однажды выданный судьбою». Представление о жизни как о ритмичном движении, полном противоречий: «ту сладость, горьковатую на вкус». Обязательным является стремление к совершенству: «и тот соблазн – подняться над собой».

Образ лирического героя в этом произведении наделен эмоциональной отчетливостью своего внутреннего мира, отсюда вырисовывается его психологическая индивидуальность.

Лирический герой неразрывно связан с этим образом жизни, он живет в его темпе. Он ощущает себя бушующей смесью, полной перемен, яркости красок, восторженности, насыщенности и густоты чувств, как бурлящий водоворот настроений.

Во мне - оркестра звездного смятенье.

Во мне – цыган кочующий поток.

И вечера хмельные светотени.

И град, и ливень, и по венам ток.

Дар жизни поэт противопоставляет утилитарности земного обывательского сознания, которое разрушает ее полноту. Столкновение личности и бездарности – конфликт всеобъемлющий, но когда власть принадлежит посредственности - бедствие неизбежно. Ничтожные, прикрывающиеся притязаниями на содержательность и значимость, объявляют террор инакомыслию, преследуют и угнетают его: «Кто дал право безличностным всем вдруг на Личность накладывать вето?!». Лирическая героиня путь к свободе видит в защите человеком собственного достоинства:

За Вселенскую правду ратовать.

Вырваться из несвобод.

И при всяческой декорации

Оставаться только собой.

Космическое у Богачинской тесно соприкасается со всем, что совершается в мире. Лирическая героиня возвышается над «низменной прозой» повседневности, несмотря на разгул человеческих страстей, она продолжает в любых обстоятельствах сохранять призыв «сквозь тернии - к звездам». Она проповедует идеи добра, гармонии и движения к вершинам духа.

Я хочу, чтобы мир стал

чуть-чуть человечней и чище,

Чтобы думалось в нем,

и дышалось, и пелось легко.

Стихотворения доносят мысль о катастрофичности мира, идущего к своей гибели на узости людского мировоззрения, утилитарности земного

обывательского сознания. Лирическая героиня предупреждает об опасности, зовет к пробуждению души.

Стихи Богачинской часто пронизывает боль: ее тревожат заблуждения и ошибки людей, подмена духовных ценностей материальными, путаница приоритетов, равнодушие к экологическим опасностям в широком понимании. Ее предостережения обостряют чувство быстротечности бытия:

... Только миг нам судьбою дарован.

Только миг, как планета, крошечный.

Провороним - не будет второго.

В стихах Богачинской органично сливаются высокий тон гражданских устремлений и живая разговорная интонация. Обращения, вопросы, восклицания - интонационно-синтаксические особенности устной речи включаются в обличение пороков человечества, доносят необходимость активного и непримиримого противодействия.

На планете свирепствуют монстры,

Облаченные в облик людей.

Неужели мы так и не сможем

Этот волчий пресечь беспредел?

Стихи обращают внимание концентрированностью восприятия лирической героиней происходящего, уплотненностью наблюдений, что приводит к емкости, метафорической выразительности художественных обобщений. В огромном «человечьем комплексующем муравейнике» ей хочется видеть перемены к лучшему, она полагается на диалектику свершений в сонме противоречий и катаклизмов.

Загораясь неясным порывом,

Увлекаясь игрой перемен,

Наблюдаю неистовство срывов

И вершин, приходящих взамен.

Космический камертон в поэзии Богачинской тем чаще подает свои сигнальные отзвуки, чем больше буреносных ситуаций приходится переживать людям. Равновесие и гармония зависит от них, и лирическая героиня напоминает о законе причин и следствий, локализуя катастрофизм в картинах земного плана.

Стихотворение «Размышления о человеческом факторе в свете нечеловеческого акта (Памяти жертв 11 сентября)», написанное в состоянии ошеломления и тревоги за близких (Богачинская находилась в Одессе) - некая веха, и на творческом пути поэтессы, и в сознании человечества. Эмоционально – экспрессивная лексика ее стихов с тех пор становится интенсивнее, а события в мире лишь подтверждают размах зла:

Похоже, долго мир не будет прежним.

Все по кругам вращается своим.

Но только б выжить, только б быть надежде!

Тогда мы устоим!

Терроризм стал проблемой. Повторился «сентябрь» в 2004. Богачинская пишет «Бесланский реквием» о трагедии уже на Восточном полушарии. Пространство и время условно можно представить в слиянии, замыкающем землю, на которой лишь «Расширяется слезный поток». Ставший «символом боли»,

«синонимом мрака» Беслан как географическая реальность контрастирует с лирической героиней, до этого события уже воссозданной в своей открытости и родственности безмерному вселенскому существованию. Категория трагического, таким образом, привносит те качественные изменения в континуум автора, которые, объединяя большинство последующих стихов Богачинской, объясняя мотивы нарастающей тревоги, сострадания, протеста.

Ведь тревога всегда была у лирической героини Богачинской, которая с первых своих стихов, стимулированных первыми импульсами влюбленности, переживаниями глубоко личными, очень скоро почувствовала себя не отделимой частицей мира, где нельзя быть равнодушным.

Так, не относясь по возрасту к «детям войны» Великой Отечественной, в условиях послевоенного социума, она приходит к твердому убеждению и высказывает его не раз в интервью: «любая война – это страшное зло»¹¹.

Концепт «война» в поэзии Инны Богачинской столь разно реализуется, сколь семантически он весом и многозначен. Это – упоминание о войне у поэтессы в различных по теме эссе, в штриховой зарисовке эпохи в стихах от сборника к сборнику, в произведениях последнего десятилетия, которые иногда являются отголосками самой исторической ретроспективы. Например, «Памяти погибших подводников» о подлодке «Курск» в замысле предусматривает выход к исторической перспективе, когда человек станет подлинной ценностью:

На планете ни один из вождей
Не способен что-то толком ответить
Мелют басни о престиже страны
И о мнимых рубежах и угрозах

По поводу войны в ее политических переплетениях, до сих пор не освещенных противоречий уже призывали писатели всех национальных литератур «бить в набат» (Быков, Межелайтис, Гамзатов, Гончар, Исаев и др.), - в поэзии Богачинской этот колокольный аккорд повторяется в связи с перманентностью современных войн. Вьетнам, Афганистан, Чечня в неисчислимом числе горячих точек планеты находят у Богачинской не просто публицистически, оправданный пафос, но аналитически убедительные умозаключения:

У России – тело все в синяках.

На Америке - петля все фатальней

«Плач по падающим мальчикам» в трактовке поэтессы вызывает ассоциации с образом «слезы ребенка» (Достоевский), что влечет за собой недоумение, а за ним – связку нравственно-духовных императивов в оценке происходящего на высоте интеллекта современной цивилизации. В сегодняшних войнах «падают мальчики, топят их, будто котят», «падают несозревших бутонов ряды», - эти факты Богачинская не оправдывает банальными оговорками «Лес рубят, щепки летят», «На войне, как на войне». Она делает иной вывод, хорошо зная динамическую причудливость вещей в жизни: «Жизнь – не пешка. Война – не игра!». Удивительно точно найдены образы в приближении к грустному, но логически осмысленному обобщению:

¹¹ Белая Н. Инна Богачинская: переводчица с космического// Метро.-2005, №56, с.56.

Было когда-то опасно в окопах
Ну, а сейчас, риск в театре – на страже.
Мы обретаем смертельнейший опыт.
Страшно!

Война и терроризм определяются у Богачинской в той речевой семантике («изувер», «беспредел в голове...» и др.), которая сближает события войн XX века и нынешнего положения планетарного сообщества, передвигая фактографическое время в художественное и тем самым, обостряя видение неотложных современных забот.

Итак, лирическая героиня Богачинская во всей многоплановости проблем мира раскрывается как человек с нравственно – этическим и духовным потенциалом, важным для автора в поисках художественного решения гуманистических вопросов.